

18+

童话

Китайская
Книга
Мудец

Алексей Козлов
Китайская Книга Чудес

«Издательские решения»

Козлов А. Б.

Китайская Книга Чудес / А. Б. Козлов — «Издательские решения»,

«Китайская Книга Чудес» — новый адаптированный перевод Алексея Козлова старых, народных китайских сказок, исполненных истинных чудес и гуманистического пафоса. Человек здесь может стать философствующей, мудрой рыбой, Тигр верно служить матери съеденного им сына, и произойти ещё много чудесного и смешного.

Содержание

ЗОЛОТОЙ ЖУК ИЛИ ПОЧЕМУ СОБАКА НЕНАВИДИТ КОШКУ	6
ВЕЛИКИЙ КОЛОКОЛ	13
СТРАННАЯ ИСТОРИЯ СОБАЧЬЕГО ДОКТОРА	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Китайская Книга Чудес

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2026

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0069-8305-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЗОЛОТОЙ ЖУК ИЛИ ПОЧЕМУ СОБАКА НЕНАВИДИТ КОШКУ

— Что мы будем есть завтра, я не имею ни малейшего представления! — сказала вдова Ванг своему старшему сыну, когда он однажды утром отправился на поиски работы.

— О, боги позаботятся о нас. Я найду где-нибудь пару медяков, — ответил мальчик, стараясь говорить бодро, хотя в глубине души он тоже не имел ни малейшего представления, в какую сторону повернуть.

Зима была суровой: стояли свирепые морозы, глубокий снег и дикие ветра задували в облысевшие долины. Дом Вангов сильно страдал. Соломенная крыша провалилась под тяжестью обильного снега. Затем ураган обвалил стену, и сын Минг Ли, не спавший всю ночь на пронизывающем холодном ветру, подхватил воспаление лёгких. Последовали долгие дни его немощи и болезни, тут и потребовались деньги на врача, лекарства и микстуры. Все их скудные сбережения вскоре растаяли, и в магазине, где работал Минг Ли, его место занял другой продавец. Когда, наконец, он поднялся со своего больничного ложа, он был слишком слаб для тяжёлой работы, а в соседних деревнях, как оказалось, работы для него тоже не было. Ночь за ночью, день за днём он возвращался домой с пустыми руками, стараясь не впадать в уныние, но в глубине души чувствуя глубокую печаль, ту, что охватывает примерного сына, когда он видит, как его мать страдает без еды и одежды.

— Благослови господь его доброе сердце! — вздохнула бедная вдова, когда он ушёл, — Ни у одной матери не было лучшего сына. Я надеюсь, он прав, говоря, что боги позаботятся о нём. За последние несколько недель мне стало настолько хуже, что теперь кажется, будто у меня в желудке пусто, как в голове у богача. Даже крысы покинули нашу хижину и бедному Тэбби нечего есть, а старый Черноног иссох и почти при смерти от голода!

Когда старуха заговорила о горестях своих питомцев, ответом на её замечание было жалобное мяуканье и грустный лай из угла, где два некормленных создания свернулись калачиком, пытаясь согреться.

В этот момент раздался громкий стук в ворота. Когда вдова Ванг крикнула: «Войдите!», она была удивлена, увидев старого лысого священника, стоящего в дверях.

— Извините, но у нас ничего нет! — продолжала она, уверенная, что посетитель зашёл к ней в поисках еды, — Эти две недели мы питались одними объедками, а теперь живём воспоминаниями о том, что у нас было, когда ещё жив был отец моего сына. Тогда мы жили очень хорошо! Наша кошка была такой толстой, что не могла забраться по водостоку на крышу. А теперь посмотрите на неё! Кожа да кости! Её почти не видно, такая она худая. Она стала совсем прозрачной, как хрусталь! Нет, мне жаль, что мы не можем помочь вам, друг священник, но вы же сами видите, как у нас обстоят дела!

— Я пришел не за милостыней, — воскликнул гладко выбритый мужчина, ласково поглядывая на неё, — а только спросить, чем я сам могу тебе помочь! Боги долго прислушивались к молитвам твоего преданного сына. Они почитают его за то, что он не стал дожидаться твоей смерти, чтобы принести жертву за тебя. Они видели, как верно он служил тебе с самого начала твоей болезни, и теперь, когда он измучен и не может работать, они решили вознаградить его за его добродетель. Ты также была хорошей матерью и тоже должна получить подарок, который я принёс!

— Что вы имеете в виду? — запинаясь, спросила госпожа Ванг, едва веря своим ушам, услышав, как священник говорит о каких-то дарах и милостях, — Вы пришли сюда, чтобы посмеяться над нашими несчастьями?

— Ни в коем случае. Вот, в своей руке я держу крошечного Золотого Жука, который, как ты увидишь, обладает волшебной, магической силой, превосходящей всё, о чем ты когда-либо могла мечтать. Я оставляю тебе эту драгоценную вещицу, подарок от Бога за благое сердце твоего сына.

— Да, и за него можно выручить хорошую сумму, — пробормотал сын, внимательно разглядывая безделушку, — и нам хватит проса на несколько дней. Спасибо вам, добрый священник, за вашу доброту!

— Но вы ни в коем случае не должны продавать этого Золотого Жука, потому что он способен наполнять ваши желудки до конца ваших дней!

Вдова, открыв рот от изумления, уставилась на священника, едва веря его удивительным словам.

— Да, вы не должны сомневаться во мне, но теперь внимательно послушайте, что я вам всем скажу. Когда вам захочется поест, вам нужно только опустить этого жука в чайник с кипящей водой, повторяя снова и снова названия того, что вы хотите съесть. Через три минуты снимите крышку, и ваш ужин будет готов, горячий, с пылу-с-жару, с дымком, и он будет приготовлен лучше, чем любое блюдо, которое вы когда-либо пробовали!

— Можно ли мне попробовать прямо сейчас? — нетерпеливо воскликнула она.

— Как только я уйду! И помните, никому никогда не давайте Золотого Жука в чужие руки!

Когда дверь закрылась за священником, старуха поспешно развела огонь, вскипятила немного воды и бросила туда золотого жука, повторяя эти слова снова и снова:

Пельмени, пельмени, скорее в наш дом!

Худая я стала в последнем июле!

Пельмени, пельмени, пельмени с дымком!

Пельмени, пельмени, ныряйте в кастрюлю!

Неужели эти три минуты никогда не пройдут? Мог ли священник сказать правду? Её старая голова чуть не закружилась от волнения, когда из чайника поднялись клубы пара. Крышка сорвалась! Она больше не могла ждать. О, чудо из чудес! Перед её изумленными глазами стояла кастрюля, до краев наполненная чудными свиными клёцками, которые подпрыгивали в бурлящей воде, — самыми вкусными клёцками, которые она когда-либо пробовала. Она ела и ела до тех пор, пока в её жадном желудке не осталось места, а потом она угощала кошку и собаку и кормила их до тех пор, пока они чуть лопнули от сытости.

— Наконец-то удача на нашей стороне! — прохрипел пес Черноног коту Белохвосту, когда они прилегли погреться на солнышке на улице, — Боюсь, ещё неделю я бы не продержался, не сбегав за едой. Я точно не знаю, что произошло, но нет смысла вопрошать богов.

Миссис Ванг чуть не заплясала от радости при мысли о возвращении своего сына и о том, как она будет угощать его.

— Бедный мальчик, как он будет удивлен нашим состоянием, и всё это благодаря его доброте к своей старой матери. Когда Минг Ли Ли пришёл с мрачной думой, нависшей над его челом, вдова ясно увидела, что на нём начертано разочарование.

— Ну же, ну же, парень! — весело воскликнула она. — Очисти свое лицо от печали и улыбнись, ибо боги были добры к нам, и я скоро покажу тебе, как щедро была вознаграждена твоя преданность. С этими словами она опустила золотого жука в кипящую воду и развела огонь. Думая, что его мать совсем сошла с ума от голода, Минг Ли серьезно посмотрел на неё. Все худое на свете было лучше, чем его страдания. Может, продать свою последнюю куртку за несколько пенни и купить ей пшена? Черноног успокаивающе лизнул ему руку, словно говоря: «Не унывай, хозяин, удача повернулась к нам лицом».

Белохвост запрыгнул на скамейку, мурлыча, как лесопилка. Минг Ли не заставил себя долго ждать. Почти в мгновение ока он услышал, как его мать крикнула:

— Садись за стол, сынок, и поешь этих клецок, пока они ещё горячие!

Правильно ли он расслышал? Не обманули ли его уши? Нет, на столе стояло огромное блюдо, полное вкуснейших пельменей со свининой, которые он любил больше всего на свете, за исключением, конечно, своей матери.

— Ешь и не задавай вопросов! — внезапно расчувствовалась вдова Ванг, — Когда ты будешь сыт, я тебе всё расскажу!

Мудрый совет! Очень скоро палочки для еды в руках молодого человека заходили ходуном и засверкали, как маленькие, юркие звездочки. Он ел долго и с наслаждением, а его добрая мать с улыбкой наблюдала за ним, и её сердце переполняла радость оттого, что он наконец смог утолить голод. Но старушка всё равно не могла дождаться, когда он закончит, ей так хотелось поведать ему свою удивительную тайну.

— Вот, сынок! — воскликнула она наконец, когда он начал делать паузы между пельменями, — Посмотри на моё сокровище!

И она протянула ему Золотого Жука.

— Сначала скажи мне, что за добрая фея-богачка наполняет наши руки серебром, а наши тарелки едой?

— Именно это я и пытаюсь донести до тебя, — рассмеялась она, — потому что сегодня днём здесь действительно был колдун, только он был одет как лысый священник. Этот золотой жук — всё, что он мне подарил, но вместе с ним у нас есть секрет ценой в тысячи золотых.

Юноша лениво вертел в руках безделушку, всё ещё сомневаясь в своих чувствах и с нетерпением ожидая разгадки секрета своего вкусного ужина.

— Но, мама, какое отношение эта медная безделушка имеет к клёцкам, этим замечательным клёцкам со свининой, самым вкусным клёцкам из всех, что я когда-либо ел?

— Действительно, безделушка! Медь! Тьфу, тьфу, мой мальчик! Ты сам не понимаешь, что говоришь! Только послушай, и ты услышишь историю, которая откроет тебе глаза!

Затем она рассказала ему, что произошло, и закончила тем, что выложила на пол все оставшиеся клёцки для Блэкфута и Вайтхеда, чего её сын никогда раньше не видел, потому что они были ужасно бедны и им приходилось откладывать всё до крошки на следующий ужин.

С этого мгновения для них начались времена долгого, абсолютного счастья. Мать, сын, собака и кошка — все наслаждались жизнью и обжирались в своё удовольствие. Чудесный маленький Золотой Жук без устали варил в горшочке всевозможные изысканные блюда, такие, каких они отродясь не пробовали. Стоило им попросить суп из птичьих гнёзд, акульи плавники и сотню других деликатесов, какими лакомятся богатеи, как всё это одним махом, волшебным образом сразу появлялось на столе. Вскоре Минг Ли пришёл в себя, полностью поправился и восстановил силы, но, боюсь, в то же время довольно-таки обленился, потому что ему больше не нужно было работать. А когда человеку не нужно работать, тем более на чужого хозяина, он никогда на это не пойдёт! Что касается двух животных, то они стали жирными и гладкими, а их шерсть блестела и переливалась от довольства.

Хозяйка видела всё это и нельзя сказать, что ей это нравилось.

— Вот, сынок! — воскликнула она, — Взгляни на моё сокровище!

Но увы! Согласно китайской пословице, гордость всегда влечет за собой беду, а гордыня приводит к горю. Маленькая семья так возгордилась своей удачей, что стала приглашать друзей и родственников на ужин, чтобы перед ними можно было похвастаться своими вкусными блюдами.

Однажды к ним на обед заглянули мистер и миссис Чу, родом из далекой деревни. Они были очень удивлены, увидев, в каком изысканном стиле живут бедные Ванги. Они ожидали,

что их накормят, как последних нищих, будут заглядывать им в рот при каждом куске, но ушли с полными желудками.

— Это лучшее, что я когда-либо ел! — сказал довольный мистер Чу, когда они вошли в свою полуразрушенную хижину.

— Да, и я знаю, откуда оно взялось! — воскликнула его жена, — Я видела, как вдова Ванг достала из горшка маленькое золотое украшение и спрятала его в шкаф. Должно быть, это какой-то талисман, потому что я слышала, как она бормотала что-то про свинину и клёцки, когда разводила огонь!

— Талисман, вот это да! Почему мир устроен так, что удача достается другим, а не нам? Похоже, мы обречены вечно быть бедняками и всё время подтягивать штаны!

— Почему бы нам не позаимствовать амулет миссис Ванг на несколько дней, пока мы не наберём немного мяса, чтобы кости не трещали? Это честная игра! Конечно, рано или поздно мы его вернём!

— Несомненно, они очень внимательно следят за этим. Когда бы нам увидеть их вдали от дома, теперь, когда им больше не нужно работать? Поскольку в их доме всего одна комната, да и та не больше нашей, позаимствовать эту золотую безделушку будет очень непросто. По многим причинам украсть у нищего труднее, чем у иного короля!

— Удача, несомненно, повернулась в нам лицом, она на нашей стороне! — воскликнула миссис Чу, хлопая в ладоши. — Сегодня они собираются на храмовую ярмарку. Я случайно услышала, как миссис Ванг сказала своему сыну, чтобы он не забыл, что должен отвезти её на ярмарку примерно в полдень. Тогда я проскользну внутрь и возьму маленький амулет из коробки, в которой она его спрятала!

— А ты не боишься Чернонога?

— Пух! Он такой толстый, что может только кататься по полу и пыхтеть. Если вдова вдруг вернётся, я скажу ей, что зашла поискать свою большую заколку для волос, которую потеряла за ужином!

— Хорошо, продолжай в том же духе, только, конечно, мы должны помнить, что берём эту вещь взаймы, а не крадём, потому что Ванги всегда были нашими добрыми друзьями, и потом, мы только что обедали с ними.

Эта хитрая женщина так искусно сплетала свои речи и осуществляла свои планы, что через час уже была в своем доме, радостно демонстрируя мужу подаренное священником сокровище. Никто не видел, как она входила в дом Вангов. Собака не издала ни звука, а кошка только удивлённо открыла глаз и моргнула, увидев незнакомку, и снова заснула на полу.

Велик был шум и плач, когда, вернувшись с ярмарки в ожидании горячего ужина, вдова обнаружила, что её сокровище пропало. А оно было украдено. Прошло много времени, прежде чем она смогла осознать правду. Она десять раз возвращалась к маленькой коробочке в шкафу, прежде чем смогла поверить, что та пуста, и комната выглядела так, словно по ней пронёсся ураган, — так долго и тщательно двое несчастных искали потерянного жука, перерывая и разбрасывая вещи на своём пути.

Затем наступили голодные дни, которые было особенно тяжело переносить после недавнего изобилия хорошей, вкусной еды. О, не стоило бы им привыкать к таким лакомствам! Тот, кто слишком привык к лакомствам, тому бывает слишком тяжело возвращаться к объедкам! Но если вдова и её сын были опечалены потерей вкусной еды, то двое их питомцев были огорчены ещё больше. Они были вынуждены нищенствовать и ежедневно бродить по улицам в поисках костей, кишок и жалких отбросов, от которых приличные собаки и кошки в округе воротили нос. Однажды, после того как они наголодались долгое время, Вайтхед вдруг начал в сильном возбуждении бегать по комнате.

— Что с тобой такое? — проворчал Черноног, — Ты с ума сошёл от голода или подцепил ещё одну паршивую блоху?

— Я как раз только что размышлял о наших делах и теперь знаю причину всех наших бедствий.

— В самом деле? — усмехнулся Черноног.

— Да, это действительно так, и тебе лучше дважды подумать, прежде чем насмеяться надо мной, потому что твое будущее в моих руках, как ты очень скоро увидишь!

— Ну, тебе не стоит сердиться по пустякам! Что за чудесное открытие ты сделал — что у каждой крысы есть один хвост?

— Прежде всего, ты готов помочь мне вернуть удачу в нашу семью?

— Конечно, готов. Не глупи! — рявкнул пес, радостно виляя хвостом при мысли о еще одном вкусном обеде.

— Конечно! конечно! Я сделаю всё, что ты захочешь, если это вернёт нам госпожу Фортуну!

— Хорошо! Вот наш план! В доме появился вор, который украл золотого жука нашей хозяйки. Ты помнишь, как мы готовили все наши сытные обеды прямо из кастрюли? Так вот, каждый день я видел, как наша хозяйка вынимала маленького золотого жука из чёрной коробочки и сажала его в горшок. Однажды она показала его мне и сказала: «Смотри, киска, вот причина нашего счастья. Разве ты не хотела бы, чтобы он был твоим?» Затем она рассмеялась и положила его обратно в коробку, которая стоит в шкафу.

— Это правда? — спросил Черноног, — Почему ты ничего не говорил об этом раньше?

— Ты помнишь тот день, когда мистер и миссис Чу были здесь, и как миссис Чу неожиданно вернулась днем после того, как хозяин и хозяйка ушли на ярмарку? Краем глаза я заметил, как она подошла к тому самому чёрному ящику и шустро достала золотого жука. Мне это показалось любопытным, но я и представить себе не мог, что она воровка. Увы! Я ошибался! Она забрала жука, и, если я не ошибаюсь, они с мужем сейчас наслаждаются пиршеством, которое по праву должно было бы принадлежать нам!

— Давай вцепимся в них когтями! — прорычал Черноног, скрежеща зубами от злости.

— Это ни к чему хорошему не приведёт, — посоветовал Белохвост, — потому что в конце концов они наверняка окажутся в выигрыше. Мы хотим вернуть жука — это главное. Мы оставим месть людям, это не наше дело!

— Что ты предлагаешь? — спросил Черноног, — Я с тобой, несмотря ни на что!

— Давай пойдем в дом Чу и разделаемся с жуком! — Увы, я не кот! — простонал Черноног. — Если мы пойдем туда, я не смогу попасть внутрь, потому что грабители всегда хорошо запирают свои ворота. Если бы я был таким, как ты, я бы смог перелезть через стену. Впервые в жизни я обзавидовался кошке.

— Мы пойдем вместе! — продолжал Вайтхед, — Я буду ездить у тебя на спине, когда мы будем переходить реку вброд, и ты сможешь защищать меня от страшных животных. Когда мы доберемся до дома Чу, я перелезу через стену и сам займусь всем остальным. Только ты должен подождать снаружи, чтобы помочь мне добраться домой с призом!

Договорились — и готово. В ту же ночь компаньоны отправились в свой поход. Они перешли реку, как и предлагал кот, и Черноногу очень понравилось купаться, потому что, по его словам, это вернуло его в щенячье детство, в то время как на морду кошки не попало ни капли воды. Была полночь, когда они добрались до дома Чу.

— Просто подожди, пока я вернусь! — промурлыкал Вайтхед на ухо Черноногу. Мощным прыжком он добрался до верха глинобитной стены, а затем спрыгнула вниз, во внутренний дворик. Пока он отдыхал в тени, пытаясь решить, что делать дальше, его внимание привлёк легкий шорох, и хлоп! один гигантский прыжок, одно движение когтей — и он поймал крысу, которая только что вылезла из своей норы попить прогуляться и насладиться ночной тишиной. Теперь Вайтхед был так голоден, что готов был в одно мгновение расправиться с этой

соблазнительной добычей, если бы крыса не открыла пасть и, к его изумлению, не заговорил на хорошем кошачьем диалекте.

— Прошу тебя, мой добрый котик, не так быстро пускай в ход свои острые зубки! Будь добр, поосторожнее со своими коготками! Разве ты не знаешь, что теперь принято жалеть пленников под честное слово? Я обещаю, что не убегу!

— Пух! Какая честь может быть у крысы?

— У большинства из нас не так уж много знаний, я согласен с вами, но моя семья выросла под крышей Конфуция, и там мы почерпнули столько крупиц мудрости, что являемся исключениями из правил. Если ты пощадишь меня, я буду повиноваться тебе всю жизнь, фактически стану твоей покорной рабыней! — Затем быстрым рывком она освободилась:

— Видишь, теперь я свободна, но честь держит меня, как прикованную, и поэтому я больше не предпринимаю попыток вырваться и убежать!

— Тебе бы это пошло на пользу, — промурлыкал Вайтхед, его шерсть громко зашуршала, а рот наполнился слюной при виде вкусного крысиного стейка.

— Однако я не откажу себе в удовольствии подвергнуть тебя испытанию! Сначала ответь на несколько вежливых вопросов, и я посмотрю, правдив ли ты со мной. Что за еду сейчас ест твой хозяин, что ты такой круглый и пухленький, в то время как я худой и костлявый?

— О, могу вам сказать, сударь, что в последнее время нам везёт. Хозяин и хозяйка питаются плодами земли, и, конечно, нам, прихлебателям, достаются крохи!

— Но это бедный полуразрушенный дом. Как они могут позволить себе такую еду?

— Это великая тайна, но, поскольку честь обязывает меня рассказать вам, вот что я скажу. Моя хозяйка только что каким-то образом обрела волшебные чары...

— Она украла жука у нас, — прошипел Кот, — я выцарапаю ей глаза, если представится такая возможность. Да мы просто умираем с голодухи из-за отсутствия этого жука. Она украла его у нас, как раз когда была приглашена в гости! Что вы думаете о такой чести, донья Крыса? Предки вашей хозяйки были последователями мудреца, не так ли?

— О, о, о! Да ведь это всё объясняет! — простонала Крыса. — Я часто задавалась вопросом, откуда у них золотой жук, но, конечно, не осмеливалась задавать никаких вопросов.

— Нет, конечно, нет! Но послушай — ка, донья Крыса, верни мне эту золотую безделушку, и я немедленно освобожу тебя от всех обязательств. Ты знаешь, где она её прячет?

— Да, в трещине, где проломлена стена. Я мигом принесу его вам, но как мы будем существовать, когда наше волшебное очарование исчезнет? Боюсь, настанет сезон скудной пищи, и мы все станем нищими!

— Живи воспоминаниями о своем добром поступке, — промурлыкал Кот. — Знаешь, это прекрасно — быть честным нищим! А теперь беги! Я тебе полностью доверяю, ведь твой народ, как-никак, шустрит в доме Конфуция! Так не всем повезло! Вот мой предок жил в подполе Ван Иня, думаю, ты такого не знаешь! И поделом! Да и я тоже не знаю! Я буду ждать твоего возвращения здесь.

— Ах! — рассмеялся Вайтхед про себя. — Кажется, удача снова на нашей стороне!

Через пять минут Крыса появилась, держа в зубах безделушку. Она передала Жука коту, а затем, взмахнув метелкой, исчезла навсегда. Её честь была не замарана, но она по-прежнему боялась Вайтхеда. Она видела огонёк желания в его зелёных, жестоких глазах, и Кот, возможно, нарушил бы свое слово, если бы ему так не хотелось вернуться домой, где его хозяйка могла бы снова приказать чудесному чайничку приготовить еду.

Двое искателей приключений добрались до реки как раз в тот момент, когда Солнце поднялось над восточными холмами.

— Будь осторожен, — предупредил Черноног, когда Кот запрыгнул ему на спину, чтобы переплыть ручей, — будь осторожен, не забудь сокровище, береги его, как зеницу ока. Короче

говоря, помни, что, даже если ты был бы женщиной, всё равно необходимо держать рот на замке, пока мы не доберемся на другой берег реки.»

— Спасибо, но я не думаю, что мне так уж нужны ваши советы, сударь! — ответил Вайтхед, поднял жука и запрыгнул на спину собаки. Но увы! когда они уже приближались к противоположному берегу, взволнованная кошка на мгновение забыла о своей мудрости. Внезапно прямо у неё под носом из воды выпрыгнула рыба. Искушение было слишком велико. Щелк! Её челюсти сомкнулись в тщетной попытке достать чешуйчатое сокровище, и золотой жук скользнул вниз и опустился на самое дно реки.

— Ну вот! — сердито сказал Пёс. — что я тебе говорил? Теперь все наши усилия пошли прахом, и всё из-за твоей глупости!

Какое — то время шёл ожесточённый спор, и компаньоны называли друг друга очень нехорошими именами — например, черепаха и кролик. Как раз в тот момент, когда они, разочарованные и обескураженные, расстроенные и разозлённые, направились прочь от реки, дружелюбная лягушка, случайно услышавшая их разговор, предложила поднять сокровище со дна ручья. Сказано — сделано, и, горячо поблагодарив это сговорчивое животное, они снова повернули домой. Когда они добрались до хижины, дверь была заперта, и, как Черноног ни лаял, он не смог убедить своего хозяина открыть её и впустить их. Изнутри доносился громкий плач.

— У хозяйки разбито сердце, — прошептал Кот, — я пойду к ней и сделаю её счастливой!

С этими словами он легко впрыгнул через отверстие в бумажном окне, которое, увы! было слишком маленьким и находилось слишком высоко над землёй, чтобы верный Пёс мог в него пролезть. Взору Вайтхеда предстало печальное зрелище. Сын лежал на кровати без сознания, полумёртвый от голода, в то время как его мать в отчаянии раскачивалась взад и вперёд, ломая свои морщинистые руки и крича во весь голос, чтобы кто-нибудь пришел и спас их.

— Вот и я, госпожа, — воскликнул Вайтхед, — а вот и сокровище, о котором вы плачете. Я спас его и возвращаю его вам. Вдова, обезумев от радости при виде жука, схватила Кота своими костлявыми ручонками и крепко прижала к груди.

— Завтракай, сынок, завтракай! Очнись от своего обморока! Удача снова улыбнулась нам. Мы спасены от голодной смерти!

Вскоре горячее блюдо, от которого шёл густой пар, было готово, и вы можете себе представить, как старуха и ее сын, расточая похвалы Вайтхеду, накладывали в тарелку зверя множество вкусняшек, но ни словом не обмолвились о верном Псе, который остался снаружи, принюхиваясь к ароматным запахам и ожидая в печальном изумлении, за все это время хитрый Кот ни словом не обмолвился о роли Чернонога в краже золотого жука. Наконец, когда с завтраком было покончено, Вайтхед, ускользнув от остальных, выпрыгнул через дыру в окне.

— О, мой дорогой Черноног, — смеясь, начал он, — если бы ты был дома и видел, какой пир они мне устроили! Хозяйка была так рада, что я вернул её сокровище, что не могла ни накормить меня вдоволь, ни сказать обо мне кучу добрых слов. Жаль, старина, что ты голоден. Тебе лучше сбегать на улицу и поискать косточку.

Обезумев от постыдного предательства своего товарища, разъяренный Пес бросился на Кота и за несколько секунд загрыз его до смерти.

Таков удел тех и умирает тот, кто забывает друга и теряет честь! — печально воскликнул он, стоя над телом своего товарища. Выбежав на улицу, он объявил членам своего племени о предательстве Вайтхеда, в то же время посоветовав, чтобы с этого времени все уважающие себя собаки объявили войну кошачьей расе. И именно поэтому потомки старого Чернонога, будь то в Китае или в великих странах Запада, ведут постоянную войну с детьми и внуками Вайтхеда, ибо тысячи поколений собак сражались с ними и ненавидели их лютой и вечной ненавистью.

ВЕЛИКИЙ КОЛОКОЛ

Могущественный Юнг-Ло восседал на огромном троне, окружённый сотней слуг. Ему было грустно, потому что он не мог придумать ничего замечательного, что можно было бы сделать для своей страны. Он нервно обмахивался шёлковым веером и в нетерпении и отчаянии щёлкал длинными ногтями.

— Горе мне! — воскликнул он наконец, и печаль взяла верх над его обычным непробиваемым спокойствием, — Я захватил великую столицу, перенёс её с юга в Пекин и построил здесь могущественный город. Я окружил свой город стеной, ещё более толстой и величественной, чем знаменитая Китайская Стена. Я построил в этом городе множество храмов и дворцов. Я поручил мудрецам и учёным составить великую книгу мудрости, состоящую из 23 000 томов, — самое большое и замечательное собрание знаний, когда-либо собранное руками и умами людей. Я строил сторожевые башни, мосты и гигантские монументы, а теперь, увы! Поскольку мои дни на посту правителя Поднебесной подходят к концу, я больше ничего не могу сделать для своего народа. Гораздо лучше, если я даже сейчас навсегда закрою свои усталые очи и вознесусь ввысь, чтобы предстать пред Высшими Силами и быть гостём Дракона, чем буду продолжать жить в праздности, подавая своим детям пример бесполезности и лени!

— Но, ваше величество, — начал один из самых преданных придворных Юнг-Ло по имени Мин-Лин, падая на колени и трижды ударяясь головой о землю, — если бы вы только сооблаговостили выслушать вашего покорного раба, я осмелился бы предложить вам великий дар, за который многие жители Пекина, ваши дети, поднялись бы и благословили вас как сейчас, так и в будущих поколениях...

— Только скажи мне о таком подарке, и я не только подарю его имперскому городу, но и в знак благодарности за твой мудрый совет подарю тебе Большое Королевское Павлинье Перо.

— Это не входит в число моих маленьких достоинств, — ответил обрадованный чиновник, — носить перо, когда другие, гораздо более мудрые, лишены этого, но, если вашему величеству будет угодно, вспомните, что в северном районе города была возведена колокольня, которая пока пустует... Жителям города нужен гигантский колокол, чтобы возвещать о быстротечных часах дня, побуждая их выполнять свои труды и не бездействовать. Водяные часы тоже уже отсчитывают время, но нет колокола, который возвещал бы об этом населению великой Империи!

— Действительно, неплохая идея, — с улыбкой ответил император, — и всё же, кто из нас достаточно искусен в изготовлении колоколов, чтобы выполнить предложенную вами задачу? Ты знаешь таких? Мне говорили, что для того, чтобы отлить колокол, достойный нашего имперского города, требуется гений поэта и мастерство истинного астронома...

— Верно, о могущественнейший из справедливых, и всё же позволь мне сказать, что знаменитый Кван-Ю, который так искусно отлил Большую Императорскую Пушку, может также отлить гигантский колокол. Он единственный из всех твоих подданных достоин этой задачи, потому что только он может выполнить её должным образом.

Итак, тут мы должны признаться, что чиновник, предложивший императору имя Кван-Ю, преследовал при этом две цели. Он хотел успокоить горе Великого Юнг-Ло, который скорбел из-за того, что ему больше нечего было сделать для своего народа, и в то же время возвысить Кван-Ю до высокого положения, поскольку единственная дочь Кван-Ю уже несколько лет была помолвлена с единственным сыном Мин-Лина. Сын у него был один, и для Мин-Линя было бы большой удачей, если бы отец его невестки попал под прямое покровительство императора.

— Можете не сомневаться, Кван-Ю прекрасно справится с этой работой, лучше, чем любой другой человек во всей вашей великой империи, — продолжил Мин-Лин, снова трижды низко поклонившись и облизываясь.

— Тогда немедленно позови ко мне Кван-Ю, чтобы я мог обсудить с ним это важное дело!

В великом ликовании Мин Линь вскочил и попятился от Золотого Трона, потому что с его стороны было бы очень неприлично поворачивать фалды своего фрака к Сыну Неба. Но надо сказать, что Кван Ю с немалым страхом взялся за отливку большого колокола. -Может ли плотник изготовить хорошие сапоги? запротестовал он, когда Мин Линь передал ему послание императора.

— Да! — быстро ответил тот, — если они будут похожи на те, что носят островные гномы, и, следовательно, сделаны из дерева. Колокола и пушки отлиты из схожего материала. Вы легко освоитесь с этой новой работой! За дело и да благословят нас Великие Небеса!

Когда дочь Кван Ю узнала, что он собирается предпринять, её объял великий страх.

— О, досточтимый отец, — воскликнула она, — хорошенько подумай, прежде чем давать это обещание. Как оружейник ты преуспеваешь, но что можно сказать о других делах? И если ты потерпишь неудачу, гнев Великого падёт на тебя тяжким бременем и, возможно, раздавит тебя!

— Ты только послушай, что говорит эта девочка! — перебила её не в меру амбициозная мать, — Что ты знаешь об успехе и неудаче? Тебе лучше придерживаться темы кулинарии и детской одежды, и не лезть в предметы, в которых ты ничего не понимаешь! А почему? Потому что ты скоро выйдешь замуж! Что касается твоего отца, то, прошу тебя, позволь ему заниматься своими делами. Девушке не подобает вмешиваться в дела своего отца!

И вот бедная Ко-Ай — так звали девушку — замолчала, как будто ей зашили рот, и вернулась к своему рукоделию, хотя крупная слеза скатилась по её прекрасной щеке, потому что она очень любила своего отца, и в её сердце поселился странный, неопиcуемый ужас при мысли о возможной опасности, отныне грозящей ему. Тем временем Кван Ю был вызван в Запретный Город, который находился в центре Пекина и в котором пребывал императорский дворец. Там он получил инструкции от Сына Неба.»

— И помните, — сказал Юнгло в заключение, — этот колокол должен быть таким большим, чтобы его звон разносился на расстояние тридцати трёх миль во все стороны от центра мира — моего дворца! Для этого вам следует добавить в медь в нужных пропорциях золото и латунь, поскольку они придают глубину и силу всему, с чем сочетаются. Кроме того, я хочу, чтобы звук этого гиганта был не лишён сладости, для этого вы должны добавить серебра в нужной пропорции, а на его боках должны быть выгравированы изречения древних мудрецов! Теперь, когда Кван-Ю действительно получил такое важное поручение от императора, он обшарил книжные лавки города, чтобы найти, если возможно, какие-нибудь древние описания наилучших методов, используемых при отливке колоколов. Кроме того, он предложил щедрую плату всем, кто когда-либо имел опыт в той великой работе, к которой он готовился. Вскоре его огромная литейная мастерская наполнилась рабочими; горели огромные печи; повсюду лежали огромные груды золота, серебра и других металлов, готовые к взвешиванию и плавке. Всякий раз, когда Кван Ю отправлялся в общественную чайную, все его друзья засыпали его вопросами о большом колоколе.

— А он будет самым большим в мире?

— О нет, — отвечал он, — в этом нет необходимости, но он должен быть самого сладкого вкуса, потому что мы, китайцы, стремимся не к размеру, а к чистоте звука, не к величию, а к истинной добродетели!

— Когда он будет завершён?

— Только боги могут сказать, потому что у меня мало опыта, и, возможно, я не сумею правильно смешать металлы!

Каждые несколько дней сам Сын Неба присылал императорского гонца, чтобы задать подобные вопросы, поскольку Император, вероятно, был таким же любопытным, как и его

подданные, но Кван-Ю всегда скромно отвечал, что не может быть уверен; и очень сомневался, когда колокол будет готов. Однако в конце концов, посоветовавшись с Королевским астрологом, Кван-Ю назначил день для гадания, и тогда появился другой придворный, одетый в роскошные одежды, и сказал, что в назначенный час сам Великий впервые переступит порог мастерской Кван-Ю — придет посмотреть. отливка колокола, который он заказал для своего народа. Услышав это, Кван-ю очень испугался, потому что почувствовал, что, несмотря на всё прочитанное, несмотря на все советы, которые он получил от всех доброжелателей, в смеси кипящих металлов, которую вскоре предстояло залить в гигантскую форму, чего-то не хватает, какого-то тайного, неизвестного ему ингредиента. Короче говоря, Кван-Ю был близка к открытию важной истины, которую этот великий мир постигал тысячи лет, а именно, что простое чтение и советы не могут развить мастерство, что истинное мастерство может прийти только с многолетним опытом и практикой. На грани отчаяния он отправил слугу с деньгами в храм, чтобы тот помолился богам об успехе его предприятия. Воистину, отчаяние и молитва рифмуются на всех языках. Ко-Ай, его дочь, тоже испугалась, увидев, как нахмурилось чело её отца, потому что, как вы помните, именно она пыталась помешать ему выполнить поручение императора. Она также отправилась в храм в сопровождении верного старого слуги и помолилась небесам.

Наступил великий день. Император и его придворные были в сборе, первый сидел на возвышении, сооружённом специально для этого случая. Трое слуг обмахивали его императорское чело красивыми, расписанными вручную опахалами, потому что в комнате было очень жарко, а в резной медной чаше таяла огромная глыба льда, охлаждая горячий воздух, прежде чем он обрушится на голову страждущего Сына Неба. Жена, и дочь Кван Ю стояла в дальнем углу комнаты, с тревогой поглядывая на котел с расплавленной жидкостью, поскольку прекрасно понимала, что будущее положение и власть Кван Ю зависят от успеха этого предприятия.

Вдоль стен стояли друзья Кван Ю, а у окон группы взволнованных слуг вытягивали шеи, пытаясь хоть мельком увидеть королевскую особу, но в кои-то веки боясь заговорить. Сам Кван-Ю сновал туда-сюда, то отдавая последние распоряжения, то с тревогой поглядывая на пустую форму, то снова бросая взгляды на трон, чтобы убедиться, что его императорский повелитель не проявляет признаков нетерпения. Наконец всё было готово; и все, затаив дыхание, ждали знака от Юнгло, по которому должна была начаться подача расплавленного металла. Легкий наклон головы, поднятие пальца! Светящаяся жидкость, шипя от удовольствия, что её хотя бы на мгновение освободили из заточения, все быстрее и быстрее бежала по руслу, ведущему в огромное земляное ложе. Колокольщик прикрыл глаза веером, боясь взглянуть на стремительно ревуший поток. Неужели все его надежды внезапно рухнули из-за того, что металлы не смешались и не затвердят должным образом? У него вырвался тяжёлый вздох, когда он, наконец, взглянул на то, что создал. Что-то действительно пошло не так; он в мгновение ока понял, что его постигло несчастье. Да, конечно, когда, наконец, глиняная отливка была разбита, даже самый маленький мальчик своими глазами мог увидеть, что гигантский колокол вместо того, чтобы быть прекрасным произведением искусства, представлял собой жалкую груду металлов, которые никак не сочетались друг с другом.

— Увы! — сказал Юнг-Ло, — Это действительно грандиозное фиаско, но даже в этом разочаровании я вижу наглядный урок, достойный внимания, ибо смотрите! в этих элементах заключены все материалы, из которых состоит наша страна. Есть золото, серебро и более простые металлы. Соединённые надлежащим образом, они могли бы создать колокол такой удивительной красоты и такого чистого звучания, что даже духи Западных Небес остановились бы, очарованные, только чтобы посмотреть и послушать. Но, разделённые, они образуют нечто отвратительное для глаз! О, мой Фарфор! Сколько войн время от времени проносится между различными слоями населения, ослабляя страну и делая её бедной и сирой! Если бы только все

эти народы, великие и малые, золотые и серебряные, а также низменные элементы, объединились, тогда эта земля действительно была бы достойна названия Поднебесной!

Все придворные заплодировали этой речи великого Юнгло, но Кван Ю остался лежать на земле, там, где он бросился к ногам своего повелителя. Всё ещё склоняя голову и постанывая, он кричал: «Ах! Ваше величество! Я убеждал вас не назначать меня, и теперь вы действительно видите мою непригодность. Умоляю вас, заберите мою жизнь в наказание за мою неудачу!

— Встань, Кван-Ю! — сказал Великий Князь, — Я был бы поистине подлым мастером, если бы не дал тебе еще одно испытание. Поднимись и постарайся, чтобы твой следующий бросок извлек урок из этой прискорбной неудачи!

И Кван-Ю встал, ибо, когда говорит король, все должны слушать. На следующий день он снова приступил к работе, но на сердце у него по-прежнему лежала тяжёлая гиря, потому что он не знал причины своей неудачи и поэтому не мог исправить ошибку. В течение многих месяцев он неустанно трудился день и ночь. С женой он почти не разговаривал, а когда дочь пыталась соблазнить его блюдом с подсолнуховыми семечками, которые она сама поджарила, он награждал её грустной улыбкой, но ни в коем случае не смеялся вместе с ней и не шутил, как это было у него в обычае раньше.

В первый и пятнадцатый дни каждой Луны он сам отправлялся в храм и молил богов оказать ему дружескую помощь, в то время как Ко-Ай присоединяла свои молитвы к его, воскуривая благовония и плача перед ухмыляющимися идолами.

И снова великий Юнгло воссел на возвышении в литейном цехе Кван ю, и снова вокруг него вились придворные, но на этот раз, поскольку стояла зима, они не обмахивались шелковыми веерами. Великий был уверен, что этот кастинг пройдет успешно. В первый раз он был снисходителен к Кван Ю, и теперь, наконец, он и весь великий город могли воспользоваться этой милостью. Он снова подал сигнал, и снова все вытянули шеи, чтобы увидеть, как течёт металл. Но, увы! Когда корпус был снят, стало видно, что новый колокол ничуть не лучше первого. На самом деле это был ужасный провал, колокол явился треснувший и уродливый, потому что золото, серебро и другие металлы снова отказались сплавляться в единое целое.

С горьким криком, который не мог не тронуть сердца всех присутствовавших, несчастный Кван-Ю рухнул на пол. На этот раз он не поклонился своему господину, потому что при виде жалкого нагромождения бесполезного металла мужество покинуло его, и он потерял сознание. Когда, наконец, он пришёл в себя, первое, что предстало его взору, было хмурое лицо Юнг-Ло. Затем, как во сне, он услышал строгий голос Сына Неба:

— Несчастный Кван-Ю, неужели ты, на кого я всегда возлагал свои надежды и всегда обрушивал свои милости, дважды предал моё доверие? В первый раз мне было жаль тебя, и я хотел забыть, но теперь эта печаль превратилась в гнев — да, гнев самих небес обрушился на тебя. А теперь я прошу тебя хорошенько запомнить мои слова! У тебя будет третий шанс отлить колокол, но если и с этой третьей попытки ты потерпишь неудачу, то по приказу Киноварного Карандаша и ты, и Мин — Лин, который тебя рекомендовал, и ты, о неудачник, должны будете заплатить штраф! Отныне цена вашего провала — ваша Жизнь!

Долгое время после ухода императора Кван-Ю лежал на полу в окружении своих потрясённых слуг и приближённых, но главной из тех, кто пытался вернуть его к жизни, была его верная дочь. Целую неделю он метался между жизнью и смертью, и вот, наконец, наступил перелом в его пользу. К нему снова вернулось здоровье, он поправился и снова стал готовиться к подвигу. И всё же, пока он был занят своей работой, на сердце у него было слишком тяжело, потому что он чувствовал, что скоро отправится в тёмную небесную чашу, в заоблачную чашу, населённую змеями, жуками и драконами, в область великого Жёлтого Источника, откуда ни одному паломнику никогда не было дано вернуться.

Ко-Ай тоже больше, чем когда-либо, чувствовала, что её отцу угрожает большая опасность.

— Несомненно, — сказала она однажды матери, — над его головой, должно быть, пролетел чёрный ворон! Он подобен слепцу из пословицы о слепом коне, который в полночь подъезжает к глубокому рву. О, как он сможет перейти его?

Эта добродетельная, послушная дочь охотно сделала бы всё, чтобы спасти своего любимого отца. День и ночь она ломала голову над каким-нибудь планом, но все было тщетно. За день до третьего кастинга, когда Ко-Ай сидела перед своим бронзовым зеркалом и заплетала в косу длинные чёрные волосы, в окно внезапно влетела маленькая птичка и уселась ей на голову. В тот же миг испуганной девушке показалось, что она слышит голос доброй феи, шепчущий ей на ухо:

— Не сомневайся! Ты должна пойти и посоветоваться со знаменитым фокусником, который как раз сейчас находится в городе. Продай свои нефриты и другие драгоценности, продай всё, потому что этот мудрый человек не станет слушать, пока его внимание не привлекут огромные суммы денег.

Пернатый посланец вылетел из её комнаты, но Ко-Ай услышала достаточно, чтобы обрадоваться. Она отправила доверенного слугу продать свой нефрит и драгоценности, приказав ему ни в коем случае не говорить об этом её матери. Затем, имея в своем распоряжении огромную сумму денег, она отправилась на поиски волшебника, который, как говорили, был мудрее мудрецов в знании жизни и смерти. — Скажи мне, — взмолилась она, когда седобородый призвал её к себе, — скажи мне, как я могу спасти своего отца, ибо император приказал казнить его, если он в третий раз потерпит неудачу при отливке колокола? Засыпав её вопросами, астролог надел очки в черепаховой оправе и долго рылся в своей книге Древних Знаний. Он также внимательно изучал небесные знаки, снова и снова сверяясь с мистическими таблицами.

Наконец он повернулся к Ко-Ай, которая все это время с нетерпением ждала его ответа.

— Ничто не может быть яснее причины неудачи твоего отца, потому что, когда человек стремится совершить невозможное, он может ожидать, что Судьба не даст ему другого ответа. Золото не может соединиться с серебром, а медь — с железом, если только кровь девушки не смешается с расплавленными металлами, но девушка, которая отдает свою жизнь, чтобы добиться слияния, должна быть чистой и добродетельной.

Со вздохом отчаяния Ко-Ай выслушала ответ астролога. Она любила мир и все его красоты; она любила своих птиц, своих птенцы, своих спутников, своего отца; она надеялась вскоре выйти замуж, и тогда у неё появились бы дети, которых можно было бы любить и лелеять. Но теперь все эти мечты о счастье должны быть забыты. Не было другой девушки, которая отдала бы свою жизнь за Кван-Ю. Она, Ко-Ай, любила своего отца и должна была принести жертву ради него.

И вот настал день третьего испытания, и в третий раз Юнгло занял свое место на фабрике Кван Ю, окруженный своими придворными и восседая на Золотом троне. На его лице застыло выражение сурового ожидания. Дважды он извинял своего подчиненного за неудачу. Теперь о пощаде не могло быть и речи. Если колокол не будет отлит по идеальной форме и не окажется красив на вид, Кван-Ю должен быть подвергнут самому суровому наказанию, какое только может быть назначено человеку, — даже самой смерти. Вот почему на лице Юнгло застыло выражение сурового ожидания, потому что он действительно любил Кван Ю и не хотел посылать его на смерть. Что касается самого Кван Ю, то он уже давно оставил всякую мысль об успехе, поскольку после его второй неудачи не произошло ничего, что могло бы сделать его более уверенным в успехе на этот раз. Он уладил свои деловые дела, собрав солидную сумму для своей любимой дочери; он купил гроб, в котором должно было покоиться его собственное тело, и поставил его в одной из главных комнат своего жилища; он даже нанял священников и музыкантов, которые должны были пропеть надгробную песнь по нему, и, наконец, что не

менее важно, он договорился с человеком, которому предстояло отрубить ему голову, о том, что одну складку кожи следует оставить неразрезанной, так как это принесет ему больше удачи при вступлении на Небесный престол. Он знал, что духовный мир человека сохраняется лучше, если голова не полностью отделена от тела.

И поэтому мы можем сказать, что Кван Ю был всецело готов к смерти. На самом деле, в ночь перед финальным кастингом ему приснился сон, в котором он увидел себя стоящим на коленях перед палачом и предостерегающим его не забывать о обязательном соглашении, которое тот заключил. Из всех присутствующих в большом литейном цехе, пожалуй, преданная своему делу Ко-Ай была взволнована меньше всех. Незамеченная, она проскользнула вдоль стены с того места, где стояла с матерью, и устроилась прямо напротив огромного резервуара, в котором булькала расплавленная, бурлящая жидкость, ожидая сигнала, когда её выпустят на свободу.

Ко-Ай пристально посмотрела на императора, ожидая хорошо знакомого сигнала. Когда, наконец, она увидела, что его голова дёрнулась вперёд, она диким прыжком бросилась в кипящую жидкость, одновременно закричав своим чистым, нежным голосом:»

— Для тебя, дорогой отец! Это единственный выход!

Расплавленный белый металл заключил прекрасную девушку в свои пылкие объятия, принял её и поглотил полностью, как в могиле из жидкого огня.

А что с Кван-Ю — что с Кван-Ю, безумным отцом? Обезумев от горя при виде того, как его любимая женщина расстаётся с жизнью, жертвуя собой ради её спасения, он бросился вперёд, чтобы уберечь её от ужасной смерти, но преуспел лишь в том, чтобы поймать одну из её крошечных, украшенных драгоценными камнями туфельек, когда она навсегда скрылась из виду — изящную шелковую туфельку, чтобы всегда напоминать ему о её чудесной жертве. В своем безудержном горе, прижимая к сердцу этот жалкий последний дар, он сам прыгнул бы в огонь и последовал за ней навстречу смерти, если бы слуги не удержали его до тех пор, пока император не повторил свой сигнал, и жидкость не была излита в огромный слепок. Когда печальные глаза всех присутствующих устремились на расплавленную реку металлов, текущую по своему земляному руслу, они не увидели ни единого следа ушедшей Ко-Ай. Итак, дети мои, это старая легенда о большом пекинском колоколе, история, которую миллионы раз повторяли поэты, сказочники и преданные матери, ибо вы, должно быть, знаете, что при третьей отливке, когда была отбита глиняная форма, открылся новый колокол. самый прекрасный колокол, который когда-либо представал пред глазами человека, и когда его подняли на колокольню, народ безмерно возрадовался и возликовал. Серебро, золото, железо и медь, скрепленные кровью Пресвятой Девы, идеально смешались, и чистый голос чудовищного колокола разнёсся над великим городом, звуча более глубокой и богатой мелодией, чем у любого другого колокола в пределах Поднебесной, или, если уж на то пошло, всего Мира. И, как ни странно, даже сейчас этот колосс с глубоким голосом, кажется, выкрикивает имя девушки, принесшей себя в жертву: «Ко-ай! Ко-ай! Ко-ай!», чтобы все люди помнили о её добродетельном поступке десять тысяч лет назад. И между мягкими раскатами музыки часто раздаётся жалобный шепот, который могут услышать только те, кто стоит рядом: «Се! се» — китайское слово, обозначающее туфельку.

«Увы! — восклицают все, кто её слышит, — Ко-Ай просит свою туфельку. Бедная маленькая Ко-Ай!» А теперь, мои дорогие дети, эта сказка почти закончена, но есть еще кое-что, о чем вы ни в коем случае не должны забывать. По приказу Императора на лицевой стороне большого колокола были выгравированы драгоценные изречения древних классиков, чтобы даже в минуты молчания колокол мог преподавать людям уроки добродетели.

— Смотри, — сказал Юнг-Ло, стоя рядом с убитым горем отцом, — среди всех этих мудрых текстов, бесценных изречений наших почитаемых мудрецов, нет ни одного, которое могло бы преподать моим детям столь весомый урок сыновней любви и преданности, как этот

твой последний поступок», твоя преданная огню дочь. Ибо, хотя она умерла, чтобы спасти тебя, её подвиг все равно будет воспет и превознесён моим народом, когда тебя не станет, да, даже когда сам колокол превратится в руины и само Время перестанет течь!

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ СОБАЧЬЕГО ДОКТОРА

Когда-то в горах провинции Хунань в центральной части Китая в маленькой деревушке жил богатый поселянин, у которого был только один ребенок. Эта девочка, как и дочь Кван-Ю из истории о Большом Колоколе, была самой большой радостью в жизни своего отца. Так вот, господин Мин, ибо таково было имя этого сельского богача, славился на всю округу своей ученостью, и, поскольку он также был владельцем большой собственности, он не жалел усилий, чтобы научить Жимолостку премудростям мудрецов и дать ей все, чего она желала. Конечно, этого было достаточно, чтобы избаловать большинство детей, но Жимолостка была совсем не похожа на других детей. Милая, как цветок, в честь которого она получила свое имя, она слушалась малейших приказаний отца и повиновалась, даже не дожидаясь повторения. Отец часто покупал для нее воздушных змеев всех видов и форм. Там были рыбы, птицы, бабочки, ящерицы и огромные драконы, у одного из которых хвост был более тридцати футов в длину. Г-н Мин был очень искусен в запуске воздушных змеев для маленькой Жимолостки, и его птицы и бабочки так естественно кружились и парили в воздухе, что почти любой маленький мальчик из других краёв и стран был бы обманут и сказал бы: «Да это же настоящая птица, а вовсе не воздушный змей!»

Затем он привязывал к струнам какой-то странный маленький инструмент, который издавал что-то вроде жужжания, когда он махал рукой с бечевой из стороны в сторону.

— Это поёт ветер, папа, — восклицала тогда Жимолостка, радостно хлопая в ладоши; весёлый ветер поёт нам обоим песенку о воздушном змее.

Иногда, чтобы проучить свою маленькую любимицу, если она была совсем непослушной, мистер Мин прикреплял к бечевке её любимого воздушного змея причудливо скрученные клочки бумаги, на которых было написано много китайских слов.

— Что ты делаешь, папочка? — спрашивала тогда Жимолостка, — Что это за странные бумажки?

— На каждой бумажке написано, какой грех мы совершили!»! Пусть летят!

— Что такое грех, папочка?

— О, когда Жимолостка капризничает, это грех! — мягко ответил он, — Твоя старая няня боится тебя ругать, и, если ты хочешь вырасти хорошей женщиной, папа должен научить тебя, как поступать правильно. Затем мистер Мин запускал воздушного змея высоко — высоко над крышами домов, даже выше высокой пагоды на склоне холма. Когда вся его веревка была распущена, он поднимал два острых камня и, протягивая их Жимолостке, говорил:

— А теперь, дочка, перережь верёвочку, и ветер унесёт грехи, записанные на клочках бумаги!

— Но, папочка, воздушный змей такой красивый. Нельзя ли нам еще немного помолчать и забыть о своих грехах? — невинно спрашивала она.

— Нет, дитя моё, опасно цепляться за свои грехи. Добродетель — основа счастья! — сурово отвечал он, едва сдерживая смех в ответ на её вопрос, — Поторопись перерезать пуповину этому змею!

И Жимолостка, всегда послушная — по крайней мере, своему отцу, — перепиливала веревку надвое острыми коготками и с детским криком отчаяния смотрела, как её любимый воздушный змей, гонимый ветром, уплывает всё дальше и дальше, пока, наконец, напрягая зрение, не видела, что он тонет и медленно опускается на землю на каком-нибудь далеком лугу.

— Теперь смейся и радуйся, — говорил мистер Мин, — потому что все твои грехи ушли. Смотри же, чтобы к тебе не прилипли новые! Жимолостка также любила смотреть шоу Панча и Джуди, потому что, как вы, должно быть, знаете, этим старомодным развлечением для детей наслаждались самые маленькие люди в Китае, возможно, за три тысячи лет до того, как

родился ваш прадедушка. Говорят даже, что великий император Му, когда он впервые увидел эти маленькие танцующие фигурки, был очень разгневан, увидев, как одна из них строит глазки его любимой жене. Он приказал казнить шоумена, и бедняга с трудом убедил его величество, что танцующие куклы на самом деле вовсе не живые, а всего лишь изваяния из ткани и глины. Неудивительно, что Жимолостке нравилось смотреть на Панча и Джуди, если сам Сын Неба был введён в заблуждение их странными выходками, приняв их за реальных людей из плоти и крови.

Но мы должны поторопиться с продолжением нашего рассказа, иначе некоторые из наших читателей спросят: «А где же доктор Дог? Вы так и не встретитесь с героем этой истории?» Однажды, когда Жимолостка сидела в тенистой беседке, выходившей окнами на крошечный пруд с золотыми рыбками, у неё внезапно начались сильные колики. Обезумев от боли, она велела слуге позвать своего отца, а затем без дальнейших церемоний упала в обморок на землю. Когда мистер Мин добрался до своей дочери, она всё ещё была без сознания. Послав слугу за семейным врачом, чтобы тот срочно приехал, он уложил дочь в постель, но, хотя она оправилась от обморока, сильная боль продолжалась до тех пор, пока бедная девочка не умерла от истощения. Теперь, когда ученый доктор прибыл и посмотрел на нее из-под своих огромных очков, он не смог обнаружить причину ее недуга. Однако, подобно некоторым нашим западным врачам, он не признался в своем невежестве, а прописал огромную дозу кипяченой воды, за которой чуть позже последовала смесь из измельченного оленьего рога и сушеной жабьей кожи. Бедная Жимолостка пролежала в агонии три дня, становясь все слабее и слабее из-за недосыпания. На консультацию были вызваны все известные врачи в округе; двое приехали из Чан-Ши, главного города провинции, но всё было безрезультатно. Это был один из тех случаев, которые, кажется, не под силу даже самым образованным врачам. В надежде получить великую награду, предложенную отчаявшимся отцом, эти мудрецы перерыли от корки до корки великую китайскую Энциклопедию Медицины, тщетно пытаясь найти способ лечения несчастной девушки. Была даже мысль пригласить из Англии некоего иностранного лекаря, который практиковал в каком-то отдалённом, богом забытом городе и, как предполагалось, из-за некоторых чудесных исцелений, которые он совершал, был в прямом сговоре с дьяволом.

Однако городской судья не позволил господину Миню пригласить этого чужака, опасаясь, что среди людей могут возникнуть свары и недопонимание.

Господин Минь разослал во все стороны воззвание, в котором описывал болезнь своей дочери и предлагал дать за ней солидное приданое и выдать замуж за того, кто сможет вернуть ей здоровье и счастье. Затем он сел у её постели и стал ждать, чувствуя, что сделал всё, что было в его силах. На его приглашение было много ответов. Врачи, старые и молодые, съехались со всех концов Империи, чтобы попробовать испытать своё мастерство, и когда они увидели бедную Жимолостку, а также огромную грудку серебряных туфелек, которые её отец преподнёс ей в качестве свадебного подарка, все они изо всех сил взялись бороться за её жизнь; некоторых привлекла её необычайная красота и безупречная репутация, других — огромное приданое.

Но, увы-увы для бедной Жимолостки! Ни один из этих мудрецов не смог её вылечить! Однажды, когда она почувствовала небольшое облегчение, она вызвала отца и, сжав его руку своей крошечной ручкой, сказала:

— Если бы не твоя любовь, я бы бросила эту тяжелую борьбу и ушла в тёмный лес; или, как мой старая бабушка говорила: «взлетела в Западные Небеса». Я живу ради тебя, потому что я твой единственный ребёнок, и особенно потому, что у тебя нет сына, я изо всех сил старалась выжить, но теперь я чувствую, что следующий приступ этой ужасной боли унесёт меня прочь. И, о, я не хочу умирать! Если б ты знал, как я хочу жить!

Тут Жимолостка заплакала так, словно у неё разрывалось сердце, и её старый отец тоже заплакал, потому что чем больше она страдала, тем больше он любил её. И тут её лицо начало бледнеть.

— Это приближается! Боль приближается, отец! Очень скоро меня больше не будет. Прощай, отец! До свидания, всего хорошего...

Тут её голос сорвался, и громкий всхлип едва не разбил сердце её бедного отца. Он отвернулся от ее постели; ему было невыносимо видеть, как она страдает. Он вышел на улицу и сел на грубую сельскую скамью; его голова упала на грудь, и крупные солёные слезы потекли по его длинной седой бороде. Пока мистер Мин сидел, охваченный горем, он вздрогнул, услышав тихий скулёрж. Подняв глаза, он, к своему изумлению, увидел лохматого горного пса размером с ньюфаундленда. Огромный зверь посмотрел старику в глаза с таким умным и человеческим выражением, с таким печальным и задумчивым взглядом, что седобородый старик обратился к нему со словами:

— Зачем ты пришел? Вылечить мою дочь?

Пёс ответил тремя короткими тьякьями, энергично завилял хвостом и повернулся к полуоткрытой двери, которая вела в комнату, где лежала девушка. К этому времени, желая использовать любой шанс, чтобы оживить свою дочь, мистер Мин приказал животному следовать за ним в покои принцессы Жимолостки.

Положив передние лапы на край ее кровати, пес долго и пристально смотрел на изможденное тело перед собой и на мгновение прижал ухо к сердцу девушки. Затем, слегка кашлянув, он высыпал изо рта в ее протянутую руку крошечный камешек. Коснувшись правой лапой её запястья, он жестом велел ей проглотить камень.

— Да, моя дорогая, слушайся его, — посоветовал ей отец, когда она вопросительно повернулась к нему, — потому что доброго доктора Дога прислали к твоей постели славные горные феи, которые слышали о твоей болезни и хотят вернуть тебя к жизни. Без дальнейших промедлений больная девушка, которая к тому времени уже почти сгорела от лихорадки, поднесла руку к губам и проглотила крошечный амулет.

Чудо из чудес! Как только он коснулся её губ, произошло чудо. Румянец сошел с её лица, пульс пришел в норму, боли в теле прекратились, и она встала с постели здоровой и улыбающейся.

Обвив руками шею своего отца, она радостно воскликнула: «О, я снова здорова; здорова и счастлива; благодаря лекарству доброго врача!»

Благородный пёс трижды гавкнул, вне себя от восторга, услышав эти полные слез слова благодарности, низко поклонился и уткнулся носом в протянутую руку Жимолостки. Господин Мин, очень тронутый чудесным выздоровлением своей дочери, обратился к незнакомому врачу со словами: «Благородный господин доктор, если бы не тот вид, который вы по какой-то неизвестной причине приняли, я охотно отдал бы вчетверо больше суммы серебром, чем обещал за исцеление девочки, в твою собственность. Как бы то ни было, я полагаю, серебро тебе ни к чему, но помни, что, пока мы живы, все, что у нас есть, принадлежит тебе, если попросишь, и я прошу тебя продлить свой визит, сделать это место домом для твоей старости — короче говоря, останься здесь навсегда, как мой дом. гость, нет, как член моей семьи. Пёс трижды гавкнул, как бы в знак согласия. С этого дня отец и дочь обращались с ним как с равным. Многочисленным слугам было приказано выполнять любую его прихоть, подавать ему самую дорогую еду на рынке, не жалеть средств, чтобы сделать его самым счастливым и сытым псом на свете. День за днём он бежал рядом с Жимолосткой, когда она собирала цветы в своем саду, ложился перед её дверью, когда она отдыхала, охранял её паланкин, когда слуги несли её в город. Короче говоря, они были постоянными спутниками, посторонний человек мог бы подумать, что они были друзьями с детства.

Однако однажды, когда они возвращались из поездки за пределы усадьбы её отца, в тот самый момент, когда Жимолостка спрыгивала со стула, огромное животное без малейшего предупреждения пронеслось мимо слуг, вцепилось зубами в свою прекрасную хозяйку

и, прежде чем кто-либо успел не то, что его остановить — глазом моргнуть, унесло её с собой в горы.

К тому времени, когда прозвучал сигнал тревоги, на долину уже опустилась темнота, и, поскольку ночь была облачной, ни следа собаки, ни её прекрасной ноши обнаружить не удалось.

И снова обезумевший отец сделал всё возможное, чтобы спасти свою дочь. Были предложены огромные награды, отряды лесных братьев прочесали горы вдоль и поперёк, но, увы, никаких следов девочки найти не удалось! Несчастный отец прекратил поиски и начал готовиться к погребению. Теперь в его жизни не осталось ничего, что было бы ему дорого, — ничего, кроме мыслей о своей трагически ушедшей дочери. Жимолостинка исчезла навсегда!

— Увы! — сказал он, цитируя строки известного поэта, впавшего в отчаяние:

«Из моих седеющих волос получилась бы бесконечная верёвка,

И все же это не измерило бы всей глубины моего горя!»

Прошло несколько долгих, томительных лет — годы скорби стареющего человека, тоскующего по своей ушедшей дочери. В один прекрасный октябрьский день он сидел в том самом павильоне, где так часто сидел со своей любимой. Его голова упала на грудь, а лоб был весь избороздён морщинами печали. Его внимание привлёк шелест листьев. Он поднял голову. Прямо перед ним стоял доктор Дог, а на его спине, вцепившись в лохматую шерсть животного, сидела Жимолостинка, его давно потерянная дочь; а рядом стояли трое самых красивых мальчиков, которых он когда-либо видел!

— Ах, доченька моя! Моя дорогая доченька, где ты была все эти годы? — воскликнул обрадованный отец, прижимая девочку к своей ноющей от счастья груди, — Много ли ты перенесла жестокой боли с тех пор, как тебя так внезапно похитили? Твоя жизнь наверно была полна горя?

— Только при мысли о твоём горе, — нежно ответила она, поглаживая его лоб своими тонкими пальцами, — только при мысли о твоих страданиях, только при мысли о том, как бы мне хотелось видеть тебя каждый день и говорить тебе, что мой муж был добр ко мне. Ибо ты должен знать, дорогой отец, что рядом с тобой стоит не просто животное. Этот доктор Дог, который вылечил меня и объявил своей невестой благодаря твоему обещанию, — великий волшебник. Он может по своему желанию принимать тысячи обликов. Он решил явиться сюда в облике горного зверя, чтобы никто не смог проникнуть в тайну его далекого, тайного дворца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.